

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

РАЗДЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ. ЗА И ПРОТИВ

Когда сегодня заходит разговор о школе, то в любой дискуссии, будь она на радио, телевидении или на кухне, все твердят об одном и том же: что наша школа зашла в тупик, что нужно коренным образом менять всю систему образования.

Последнее предложение – заменить пятибалльную систему на десятибалльную, а может быть, и на 100-балльную – тогда у учителя якобы появится больше возможностей оценить знания школьников. Хотя сами школьники не в восторге от этой идеи.

Но вот что говорит лучший математик планеты, который получил самую престижную премию – Джона Чарльза Филда, – Владимир Воеводский. Математика, которую мы изучали по учебнику Колмогорова, была действительно на очень высоком уровне. В Америке уровень преподавания математики в обычной школе намного ниже, хотя при желании можно найти все. Но зачем человеку, который хочет научиться считать сдачу в магазине, математика в таком объёме?

В чём все едины – так это в том, что следует реформировать образование. Слава Богу, система образования более консервативна, чем другие общественные институты, и мы не решаемся на революционные перемены, которые произошли в экономике и в общественной жизни и которые дали далеко не однозначные результаты.

Поиски новых форм и методов, в конце концов, новой педагогики – веяние времени. Что же предлагают реформаторы от образования? Много чего, но здесь мы остановимся только на одном – самом, я бы сказала, неожиданном и экстравагантном.

Оказывается, в одном исследовании было установлено, что дети сегодня более невротичны, чем, к примеру, 40 или 50 лет назад, и это потому, по мнению авторов исследования, что девочки и мальчики учатся вместе.

Вот когда учились отдельно, дети были более спокойны, сдержанны, уравновешенны. И предлагают в качестве панацеи разделить школы по половому признаку, короче говоря, сделать обучение раздельным.

Образование и воспитание действительно зашло в тупик. Но невротизирует подростка не присутствие в классе представителей противоположного пола, а сама жизнь, трагическая информация о которой врывается в дом прямо с утра: теракты, убийства, пожары, насилие, ураганы, наводнения.

А ещё – неуверенность родителей в завтрашнем дне и непонимание того, что сегодня ценно в жизни.

Да и ТВ, и откровенные картинки в интернете делают свое чёрное дело – развращают детские умы и души, растормаживая сферу влечений, старательно подавляя чувство стыда. Детская психика просто не в состоянии выдержать такой груз.

Психические травмы, вызываемые жизненными ситуациями, приводят к так называемым стрессам. У детей, находящихся в постоянном стрессе, происходит быстрое изнашивание организма, предупреждает Ганс Селье, создатель теории стрессов. Так что не совместное обучение девочек и мальчиков создаёт нервные перегрузки, а сама жизнь, как мы уже сказали. Поэтому разговоры о том, что дети стали более нервными, поскольку мальчики и девочки учатся вместе, выглядят, по крайней мере, наивными.

Совместное обучение расширяет круг общения и совместной деятельности, облегчает личные контакты между мальчиками и девочками. Мальчики начинают ценить не только наружность девочек, внешние данные, но и проникаются уважением к личности, начинают понимать, что интеллект, характер, нравственность играют не последнюю роль в жизни, что женщина – не живой товар, как её хотят представить в последнее время, а личность со своим интеллектуальным и нравственным потенциалом.

Мне довелось учиться в школе с раздельным обучением. Мы старались показать, что женщины ни в чём не уступают мужчине, что мы чего-то стоим, и шли учиться, в основном, в технические вузы, становились инженерами, конструкторами, строителями. Но богатели ли страна от такого количества женщин с высшим образованием? Женщина реализовывала себя не в материнстве, а в успешной карьере.

Помню, каким откровением для меня прозвучали слова ученицы в фильме “Доживём до понедельника”, когда девочка на вопрос, о чём она мечтает, сказала, что хочет иметь хорошую семью и много детей.

Было трудно преодолевать застенчивость, естественную для подростка и искусственно возвращенную в условиях раздельного обучения. Всё это лимитировало нашу социальную активность.

Были ли мы счастливы в любви, семейной жизни? Об этом могут сегодня рассказать писатели, психологи, в конце концов, историки. В те годы никому и в голову не могло прийти принять закон о вступлении в брак с 14 лет. Наше поколение было намного пассивнее в устройстве не только личной своей судьбы, но и в общественной жизни. Активность была регламентирована. Конечно, в этом повинны и время, в которое мы росли, и наша драматичная история. Но историю всё-таки делают люди.

Истоки нашей зажатости, комплексов, пассивности, я думаю, следует искать и в раздельном обучении. Ведь один из первых инстинктов человека – это ощущение пола. Подавлять его – значит, идти против природы. Мы наступаем на человеческую природу, а в ответ природа мстит нам. Вместо естественной тяги полов друг к другу было искусственное разделение и отчуждение мальчиков от девочек, мужчин от женщин, как в зоне, в тюрьме, в лагере, в армии.

Мы смотрели на мальчиков, как на пришельцев с другой планеты. Отношения складывались тяжело. В нашем классе почти все девочки развелись через несколько лет после замужества. Замуж выходили поздно: девушки – в 27 лет, а юноши женились в 29.

Мы романтизировали мальчиков, готовы были принять любого, если он был мужского рода, не могли оценить ни характера, ни личности, и страх перед жизнью и одиночеством толкал нас на неравные браки.

Подросток избегал девочек, но должен был впоследствии работать с женщинами и выполнять свою роль в семье. Начальники-самодуры и авторитарные отцы, не умеющие найти общий язык ни со своими подчиненными, ни с детьми, – это, во многом, порождение отчуждения мужчин от женщин.

* * *

Однажды я встретила одного знакомого, когда он был под впечатлением увиденного в школе. Кстати, не какой-то замшелый папаша, а оператор, снимающий довольно неплохие фильмы. Он зашёл в школу, чтобы узнать для сына домашнее задание. Мальчик-девятниклассник, спортсмен, уехал на неделю на сборы и должен был вернуться только в воскресенье.

Охрана пропустила отца в вестибюль, была перемена, он поднялся на третий этаж, где учился сын, и попросил одноклассницу выписать на бумажку задания за неделю.

Девочка вышла в коридор с портфелем, вернее, сумкой, и в поисках затерявшейся на дне ручки выбросила из неё всё содержимое: на подоконник полетели тетрадки, открытки с голыми мужчинами и женщинами, презервативы, прокладки. При этом она без всякого смущения приговаривала: “А это на языке моего тела”. Одним глазом он заглянул в открытую дверь класса: одна девочка сидела у мальчика на коленях, другая так крепко обняла его, что мальчик почти задыхался в её объятиях, третья гладила бедного парня так, что он просто балдел под её натиском.

“Такая раскованность или распущенность, не знаю уж, как назвать, – сказал он взволнованно. – А как одеты? Юбки короче шорт, животы голые, вместо кофточек – лифчики”. – “Так это мода такая”, – попробовала я реабилитировать одноклассниц его сына. “Но ведь не на пляж они пришли и не в публичный дом – в школу, – пытался он возразить мне, но в голосе уже не было прежней уверенности. – Или я отстал, не понимаю современной молодежи?”

Девочки терпят любые вольности, даже сами провоцируют мальчиков. Так и хочется воскликнуть: “О времена, о нравы!”

Средства массовой информации внушают новые стандарты западной культуры, навязывают далеко не лучшие их образцы, чужую мораль. Слово “сексуальный” заменило все определения женской красоты. Кумирами становятся завсегдатаи гей-клубов, участники передач, откровенность и раскованность которых за пределами нормы. Ничего не стыдно, можно рассказывать обо всём, чем делятся только с самыми близкими людьми.

Мы так боимся отстать от Запада и так неудержимо рвёмся вперёд, что вскоре действительно окажемся “впереди планеты всей”. Только не по уровню жизни, а по испорченности нравов и низвержению морали.

Мы пытаемся легализовать проституцию, а во Франции хотят принять закон об уголовном наказании за занятие этим ремеслом. У нас полный беспредел царит в подаче информации. Совесть отступает под натиском денег. Зло, поставленное на поток, делает свое чёрное дело.

* * *

Либерализация половой морали, развенчание двойного стандарта – что дозволено мужчине, не положено женщине, – культ наслаждения и денег, реклама нижнего белья перед Домом правительства – всё это не могло не сказаться на поведении и нравах девочек и мальчиков.

Так, может быть, действительно раздельное обучение очистит нравы и спасёт человеческий род от дальнейшего грехопадения?

Однако существует ещё одна опасность, о которой прежде, во времена раздельного обучения, то ли не думали, то ли предпочитали не говорить. В закрытых однополых сообществах резко возрастает риск нетрадиционных сексуальных отношений.

У мальчиков в подростковом и юношеском возрасте есть потребность преклонения друг перед другом: вспомним нашу классическую литературу.

Ещё А. И. Герцен обращал внимание на психологическое сходство юношеской дружбы и первой любви. “Я не знаю, почему дают какой-то монополю воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она – страстная дружба. Со своей стороны, дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь её характер: та же застенчивая боязнь касаться словом своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желание исключительности. Я давно любил, и любил страстно Ника, но не решался назвать его “другом”, и когда он жил летом в Кунцеве, я писал ему в конце письма: “Друг ваш или нет, ещё не знаю”. Он первый стал мне писать “ты” и называл меня своим Агатоном по Карамзину, а я звал его моим Рафаилом по Шиллеру”.

Если прислушаться к Фрейду, считавшему, что в основе любых чувств, в частности дружбы, лежит половое влечение, которое просто в силу разных

причин не может быть реализовано, то тем более мы должны быть очень осторожны. Конечно, пансексуализм Фрейда подвергся жесточайшей критике, однако следует признать, что “дружеские привязанности и половое влечение формируются совместно, на базе одних и тех же процессов”, – констатирует современный психолог, исследующий феномен дружбы.

Если перевести эти слова на язык педагогической практики, то они будут означать, что остаётся совсем маленький шаг от романтической любви к мальчику-другу до сексуальных отношений с ним. Но он никогда не будет сделан, если не раскручивать воображение и фантазию подростка, не вбивать ему в голову информацию, которая плотно ложится на грунт подсознания и которая, как мина замедленного действия, неизвестно где и когда сработает.

Тонкая грань, которая отделяет любовные переживания от дружеских чувств, размывается нашими СМИ. Делая героем своих передач людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, окружая их ореолом необычности, подчёркивая их художественный талант, оригинальность, они закладывают мысль о том, что “голубые” – это не патология, не исключение из правил, а чуть ли не норма. Так, к примеру, нам сообщают, что Киркоров и Басков посетили гей-клуб, и намекают, что их поход туда не был случайным. Правда, наши поп-звезды, оправдываясь, говорят, что хотели послушать там только хороший оркестр. Или последняя новость в интернете: М. Задорнов увидел в бане, как Галкин и Дроботенко мылись в одной ванне, и выскочил оттуда в ужасе...

Осведомленность наших педагогов в этой области порой доходит до анекдотов. Вот живая история, которая произошла в одной из образцовых московских школ совсем недавно. Учительница предложила творческое задание первоклашкам: найти рифму для слова “живчик”. И сообразительный малец выкрикнул: “лифчик”. Учительница на секунду замерла, но, взяв себя в руки, спросила, что это значит. Мальчик задумался и вдруг сказал почему-то, что это то, “что носит папа”. И вот тут-то всё и началось. Вызвали родителей мальчугана и предложили им забрать его из школы, так как у них не учатся дети из тех семей, где имеет место “нетрадиционная мораль, то бишь ориентация”.

Считается хорошим тоном игриво, с двусмысленной улыбкой спросить у гостя телепередачи, не является ли он представителем сексуальных меньшинств.

Возможно, риску вызвать негодование читателя, но считаю, что противоядием этому злу может быть только девочка, которая сидит рядом, за одной партой в твоей школе, реальная партнерша не в виртуальном мире, а живая, близкая – доступная и недоступная.

* * *

Кто же создаёт порнопродукцию? На какой кухне варится зелье, отравляющее сознание наших детей? Скандально известный писатель Виктор Пелевин в своей книге “Generation П” рассказывает о тех, кто сочиняет порноклипы и порнофильмы. Оказывается, это не развращенные супермены, выдавшие всякие виды, а несчастный отец семейства, отягощенный детьми и платой за наёмную квартиру. В поисках заработка он напрягает свой измученный мозг, выдумывая все эти мерзости и гадости, которыми наполняет воображение зрителя. Думаю, что, в лучшем случае, Пелевин заблуждается, а может быть, увлекается неудачно выбранным образом.

А далее мы, наконец-то, узнаём не только о киллерах, расстреливающих мораль в упор, но и о заказчиках этой продукции. Это редакторы глянцевого журналов или телешоумены, которые давно уже продали свою совесть, но не за 30 сребренников, а за миллионы долларов.

Деньги, деньги, деньги – деньги решают всё. Они лишают людей морали, чувства ответственности перед современниками и перед будущим. Человек начинает служить только одному богу – Мамоне.

“Все стало вокруг голубым и зелёным...” – эти строчки из старой песни как нельзя более точно отражают уровень нашей морали сегодня.

Понятно, почему голубым. Ведь наш голубой экран всюду стремится идти в ногу со временем, и голубой цвет сегодня – самый экзотический и мод-

ный, а зелёным потому, что совесть, мораль и нравственность давно проданы за “баксы”.

* * *

Не всегда забытое старое становится новым.

Мужские и женские гимназии, Институт благородных девиц – это всё эхо далёкого прошлого, которое в новых условиях совершенно неприемлемо.

Если раньше томик Мопассана или истрёпанную книжку Фореля “Половой вопрос” прятали от детей где-нибудь в глубине шкафа, а на зарубежные фильмы, где были сняты *постельные сцены*, допускали лишь после 16 лет, то сегодня подросток, хорошо ориентируясь во “всемирной паутине”, знает, где и что можно найти.

В сегодняшнем мире, в условиях, когда у детей другой жизненный опыт, вернее, когда голова забита информацией, почерпнутой из рекламы, фильмов, глянцевого журналов, с порносайтов и порнокассет, раздельное обучение может быть не полезно, а опасно – во всех смыслах. Возвращаться к нему было бы не только утопией, идеализацией прошлого, но просто губительно для будущего. Да к тому же, хотя этим я снова дам повод упрекнуть себя в банальности, есть особая прелесть в общении мужчин и женщин. Общество мужчин заставляет подтягиваться, напрягаться, прилично одеваться в любом возрасте, и в этом смысле дополнительная нагрузка ложится на психику. Но это то, что делает нашу жизнь более красочной, более счастливой, более радостной.

Мужская мудрость и женское прилежание – что может быть прекраснее этого сочетания?